

сыграла и неоправданно широкая амнистия 1953 г., когда на свободе оказалось большое количество опасных рецидивистов. Последовавшее за этим резкое обострение криминогенной ситуации потребовало принятия соответствующих мер. Статья 23 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (Основы) устанавливала правила, усиливающие наказание «особо опасных рецидивистов» без указаний на то, кого следует ими считать.

Текст Основ был дополнен в 1969 г. ст. 23¹, в которой раскрывались признаки особо опасного рецидива и описывался общий порядок признания лица особо опасным рецидивистом. Соответственно Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 24¹ «Особо опасный рецидивист», и аналогичные новеллы были внесены в Уголовные кодексы других союзных республик.

Анализ текста ст. 24¹ Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. позволяет заключить, что возможность признания лица особо опасным рецидивистом зависела от характера и тяжести совершенных преступлений (характер и тяжесть вновь совершенного преступления не имели значения лишь в случае, предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 24¹); количества судимостей за них; срока наказания в виде лишения свободы, определяемого за преступление, в связи с которым суд рассматривает вопрос о признании виновного особо опасным рецидивистом (исключение составлял п. 3 ч. 1 ст. 24¹, где законодателем придавалось более важное значение не сроку лишения свободы, а интенсивности преступного поведения рецидивиста); возрасту (учитывались судимости лишь за преступления, совершенные лицом по достижении 18 лет).

Таким образом, вывод о повышенной опасности конкретного преступника основывался не на умозрительных предположениях об особой склонности к преступлениям, неисправимости лица и т. п., а на конкретных юридических фактах, совершении определенных преступлений. В ст. 24¹ Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР) перечислялись именно те преступления, которые обычно причиняют наибольший ущерб гражданам, обществу, государству или наиболее часто встречаются и практике борьбы с рецидивной преступностью. Повторное их совершение свидетельствует об определенной закономерности, последовательности и преднамеренности преступного поведения. Оно влечет за собой право суда дать наиболее отрицательную оценку не только деянию, но и личности, т. е. признать ее особо опасным рецидивистом.

Для исключения формального подхода к признанию лица особо опасным рецидивистом УК РСФСР предусматривал особый порядок решения этого вопроса. Согласно ч. 2 ст. 24¹ указанного Кодекса лицо могло быть признано особо опасным рецидивистом: только судом с обязательной мотивировкой принятого решения в приговоре; на основании анализа не только факта наличия вышеперечисленных оснований, предусмотренных законом, но и особенностей личности, степени опасности и мотивов преступлений, степени осуществления преступных намерений, степени и характера участия в совершении преступлений и других обстоятельств.

Итак, институт особо опасного рецидивиста просуществовал вплоть до вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. и послужил мощным стимулом для научного изучения проблем борьбы с рецидивной преступностью. В нем рецидив преступлений впервые закреплен как законченный правовой институт, конструкция которого аккумулирует опыт борьбы с преступностью и достижения науки, отвечает на многие дискуссионные вопросы. В ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации речь идет об общем простом рецидиве с уточнением об умышленном характере совершенного ранее преступления. В ч. 2 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации определен вид рецидива, именуемый «опасным», а в ч. 3 данной статьи – особо опасный рецидив преступлений.

Таким образом, понятие «повторение преступлений», во многом сходное с понятием рецидива, встречается еще в русском дореволюционном законодательстве (в Псковской судной грамоте, Двинской уставной грамоте).

При определении меры наказания уже в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года» и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. предписывалось изучать личность преступника наряду с иными существенными обстоятельствами.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. и Уголовных кодексах других республик термины «рецидив» и «рецидивист» не употреблялись, а говорилось только о повторении преступлений, как отягчающем ответственность обстоятельстве.

Возвращение к понятию рецидива преступлений законодательно оформилось в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., которые устанавливали правила, усиливающие наказание «особо опасных рецидивистов».

УДК 343.791

Ж.А. Борисова

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО (НЕПРАВОМЕРНОГО) ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Кто владеет информацией, тот владеет миром», говорил британский финансист Натан Майер фон Ротшильд. И действительно, ценность информации велика, а в современном мире особо значима. Некоторые авторы называют создание индустрии производства и обработки информации отличительной особенностью современного периода развития человечества, ведь в эпоху информационных технологий происходит глобальная компьютеризация всех сфер жизнедеятельности. Общество озабочено проблемами безопасности функционирования информационных компьютерных систем и сетей, разрабатывая и внедряя для этого комплекс правовых, организационных и технических мер защиты. Чем более значимой становится сама информация как объект преступного посягательства, тем больший интерес она представляет для несанкционированного доступа. Преступность ни на шаг не отстает от технологического прогресса, разрабатывая новые способы и средства нарушения систем защиты. И здесь верным видится утверждение Н.Ф. Ахраменка, что «основным способом воздействия на человеческий фактор по-прежнему остается метод правового запрета общественно опасного поведения с использованием ЭВМ либо с воздействием на них». Однако ввиду широкого распространения Интернет-технологий, создавших условия для практически беспрепятственной коммуникации населения всего земного шара, преступления против информационной безопасности (преступления в сфере компьютерной информации) все чаще приобретают трансграничный характер и, следовательно, требуют объединения усилий не только отдельных государств, но и всего

мирового сообщества в борьбе с ними. Так как стратегическим партнером Республики Беларусь в указанном направлении является Российская Федерация, актуальным становится проведение сравнительно-правового анализа несанкционированного (неправомерного) доступа к компьютерной информации в уголовном законодательстве указанных государств.

Так, данное преступление включено белорусским законодателем в гл. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК Республики Беларусь), а российским – в гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), имеющие соответственные названия: «Преступления против информационной безопасности» и «Преступления в сфере компьютерной информации», что традиционно отражает родовой объект объединенных в данные главы преступлений. Не смотря на существенные отличия в указанных формулировках, по мнению белорусских ученых (Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, И.О. Грунтов и др.), родовым объектом этих преступлений являются «общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия существования и функционирования компьютерной информации и компьютерного оборудования», а по мнению российских (И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов и др.) – «отношения в сфере охраны компьютерной информации», то есть по содержательному аспекту данные определения можно назвать схожими. Однако формулировка белорусского законодателя видимся более точно отражающей сущность охраняемых общественных отношений.

Для проведения дальнейшего анализа для более четкой картины исследуемого вопроса логично сравнить диспозиции рассматриваемых норм. Так, в ч. 1 ст. 349 УК Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за «несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты (несанкционированный доступ к компьютерной информации), повлекший по неосторожности изменение, уничтожение, блокирование информации или вывод из строя компьютерного оборудования либо причинение иного существенного вреда», а в ч. 1 ст. 272 УК РФ – за «неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации». Так, предметом данного преступления белорусский законодатель называет «информацию, хранящуюся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях». Но некоторые белорусские ученые (например А.А. Шардаков) называют ее коротко «компьютерной информацией», что соответствует формулировке в современном российском законодательстве. Следует также отметить, что в предыдущей редакции ч. 1 ст. 272 УК РФ предметом указанного преступления называлась «информация на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети». Как разъясняет Генеральная прокуратура Российской Федерации, «законодатель внес данные изменения, чтобы решить ряд проблем, возникающих в правоприменительной практике, например, когда неправомерный доступ осуществлялся к устройству, не подпадающему под определение ЭВМ, но по своим свойствам и функциям фактически не уступающему ЭВМ по возможности хранения и обработки информации (мобильные телефоны, смартфоны, карманные персональные компьютеры)». Полагается, что подобный подход соответствует стремительному технологическому прогрессу и заслуживает внимания белорусского законодателя. Кроме изложенного указанные изменения в российском законодательстве в части определения предмета преступного посяательства избавили его от формулировки «хранящейся». Как отмечает Л.И. Гасан, «данная формулировка вела к ограничительному толкованию уголовного закона, поскольку информация должна была храниться в статичном состоянии. В таком случае вне уголовно-правовой охраны оставались ее динамические состояния (например транслирование)». Обозначенная проблема до настоящего времени является актуальной для белорусского законодательства.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в соответствии с белорусским законодательством несанкционированный доступ к компьютерной информации становится уголовно наказуемым только в случае, когда он сопровождается нарушением системы защиты. Некоторые авторы критикуют подобный подход, указывая, что доступ к информации возможен и «без функционального прерывания работы системы защиты, а подобные действия остаются уголовно ненаказуемыми». В формулировках российского законодательства данная проблема отсутствует.

Следует отметить и то, что рассматриваемые составы преступлений являются материальными, хотя перечень общественно опасных последствий, с наступлением которых связана уголовная ответственность в российском и белорусском уголовном законодательстве, также имеет различия. Так, в УК РФ среди них указывается копирование, а в УК Республики Беларусь – вывод из строя компьютерного оборудования либо причинение иного существенного вреда. Отличается и форма вины по отношению к наступившим последствиям рассматриваемого преступления: в Республике Беларусь она может быть исключительно неосторожной, а в Российской Федерации – как умышленной, так и неосторожной. Однако белорусский законодатель выделил умышленное совершение всех указанных деяний в отдельные составы преступлений, предусмотрев их статьях «Модификация компьютерной информации» (ст. 350 УК), «Компьютерный саботаж» (ст. 351 УК) и «Неправомерное завладение компьютерной информацией» (ст. 352 УК), при этом значительно ужесточив санкции за их совершение, что вполне справедливо.

Так, определение несанкционированного (неправомерного) доступа к компьютерной информации в уголовном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации в настоящее время имеет определенные отличия, ввиду чего полагается, что его унификация может способствовать успешной кооперации усилий государств в борьбе с этим международным злом.

УДК 343.28

Е.С. Бородулькина

О ПЕРСПЕКТИВЕ ВНЕДРЕНИЯ ХОСПИСОВ ДЛЯ ОСУЖДЕННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В современном мире здоровье относится к числу общепризнанных, фундаментальных ценностей и является важнейшим приоритетом социальной политики государств. Республика Беларусь не является исключением: ч. 1 ст. 45 Основного закона гарантирует своим гражданам право на охрану здоровья. Кроме того, в соответствии с п. 4 Указа Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» основой социальной